

УДК 811.512.145. 373. 613

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЧЕСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКАХ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Мазинов А. С.-А.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о языках, принимающих иноязычную лексику и языках, являющихся источниками заимствованных лексем. Следует определить направление движения и причины заимствования отдельных слов, тематических групп. Часто исторические, а иногда бытовые, житейские факторы приводят к укоренению в том или ином языке целых тематических пластов. Переход кочевых племён к оседлости и земледелию, введение новых технических, бытовых приспособлений (*макъас* ‘ножницы’, *макъара* ‘катушка’), введение модной одежды (*аитер* ‘платье’) и многое другое может служить причиной заимствования. Специального обсуждения требует проблема культурной и базисной лексики, степень заимствования этого типа слов.

Рассматривая контакты древнегреческого, новогреческого и тюркских языков (в нашем случае – турецкого и крымскотатарского), можно говорить о направленности заимствований, взаимовлиянии языков и смене вектора заимствования в зависимости от времени и региона.

Древнегреческий язык – это язык, из которого шло прямое, чаще всего одностороннее, заимствование. Только на последнем этапе его существования и в среднегреческий период возможно тюркское, по большей мере турецкое, влияние, которое в новогреческом языке выявляется исследователями более определённо.

Вероятно, следует говорить о «византийской составляющей», объединяющей столь различные языки и культуры этого региона, которая проявляется, в частности, и во взаимозаимствовании лексики.

Крымскотатарский – язык принимающий, хотя возможны и одиночные случаи обратного влияния, которое может быть выявлено при поиске кыпчакских лексем в греческом языке. Наличие этого типа лексем позволит говорить о половецком и крымскотатарском влиянии в отличие от огузского, турецкого. Кыпчакские заимствования могли быть привнесены при возвращении колонистов на историческую родину или при перевозке кушцами специфических степных говоров. Возможно, как фонетический трансформированный вариант такого заимствования следует рассматривать слово *фърџка* ‘крымская яблоня’ и *фърџи* ‘крымское яблоко’ [1]. Более определённо можно говорить о влиянии крымскотатарского языка на крымскорумейские (греческие) диалекты [2; 186].

В латинском языке и итальянских диалектах подобное влияние будет обнаруживаться в ещё меньшей степени, так как не было существенной степени колонизации тюркскими народами латинских земель. Количество заимствований увеличивается с колонизацией или включением в состав страны иноязычных народов и их земель. Латинский и итальянский языки во всех случаях выступают как языки-доноры, хотя создание имеющего важнейшее значение словаря «Codex Cumanicus» и тесный контакт генуэзских и венецианских колонистов со степным населением Крыма и турецкими соседями, вероятно, создало группу слов, явившихся результатом этого взаимовлияния.

Отдельного рассмотрения требуют лексемы типа *макъас*, – слова заимствованного, видимо, в более позднее время, зафиксированного в словарях новогреческого языка, и существующего в словарях древнегреческого языка в предваряющей форме *μακροτηρ* ‘глубоко вонзающийся’. Слова этого типа немногочисленны, так как в XVII–XVIII веках греческий язык не оказывает столь существенного влияния, которое наблюдается в эпоху, предшествовавшую завоеванию Крыма Турцией, и его, наряду с лексемой *макъара*, следует, видимо, рассматривать в одной группе со словами типа *quadrante*, *canaria* и другими заимствованиями периода генуэзской колонизации побережья.

Как дополнительный аспект изучаемой нами проблемы следует рассматривать вопрос базисной и культурной лексики крымскотатарского языка в связи с греческими и итальянскими заимствованиями. При всей спорности, сложности и недостаточной разработанности этой проблемы существует ряд показателей, позволяющих сделать определённые выводы, которые могут быть интересны в работах данного типа.

Понятие «заимствование» предполагает, по мнению исследователей, прежде всего формирование культурного пласта лексики, то есть заимствуются понятия, «присущие только определённым явлениям культуры». Базисная лексика, по исследованиям Г. Дёрфера, заимствуется в значительно меньшей степени, в особенности если речь идёт, по определению автора, о «ядерной базисной лексике» [3, с. 35].

Исходя из приведённых данных, проводя аналогии, можно сделать ряд выводов. Большинство из выделенных нами греческих заимствований и практически все слова итало-романского происхождения являются культурной лексикой. Частично лексику первого порядка (субстратную лексику) можно квалифицировать как базисную.

Две заимствованные лексемы, обозначающие части человеческого тела, следуя классификации Г. Дёрфера, необходимо отнести к разряду ядерных базисных: *меме*, *мимий* ‘материнская грудь, молочная железа’, греч. *ματτα* и *кафа* ‘голова’, греч. *κεφαλη*. Как отмечает автор, «...ядерные базисные слова ... обычно никогда не заимствуются или заимствуются очень редко» [3, с. 35]. При более углублённом изучении этой группы слов вероятно выявление ещё ряда примеров в южнобережном диалекте крымскотатарского языка. Например, лексема *педер* (диал., устар.) ‘отец’ [4, с. 174] ← латинское *pater*, *tris m* ‘отец’.

Существование такого типа слов наряду с тюркской базисной ядерной лексикой – ещё одно подтверждение мозаичности, полиэтничности крымскотатарского этноса.

Следует отметить различную степень адаптации и восприятия заимствованной лексики в диалектах крымскотатарского языка.

Вся заимствованная лексика дополнительно может быть разделена по принципу: слова диалектные – субстратная лексика первого порядка, используемая только в отдельных говорах и даже в отдельных селениях, и слова общепотребительные, используемые во всех диалектах крымскотатарского языка. Во втором случае объединяются отдельные слова субстратной группы, большая часть лексем второго порядка и все неологизмы.

Диалектные иноязычные лексемы греческого и итальянского происхождения близки по характеру употребления к субстратной лексике и являются органической частью речевой практики южнобережцев. Они в наибольшей степени трансформированы и адаптированы к речевым нормам тюркских языков и совершенно не выделяются в речевом потоке.

Лексика второго типа воспринимается всеми носителями крымскотатарского языка и широко используется в фольклорных источниках. Отдельные лексемы второго порядка из этой группы полностью вошли в языковую практику носителей диалектов и не воспринимаются как нечто инородное. Ряд слов второго типа сохранял оттенок инородности.

Несмотря на некоторое ощущение инородности слова *маджар* наряду с исконным *араба*, оно достаточно широко вошло в языковую практику носителей, встречается в фольклорных источниках:

Айдай, айдай, не айдай, Погоняет, погоняет, что он погоняет,
Маджар айдай ах... [5, с. 71] Маджару погоняет, ах...

Один из аспектов изучаемой проблемы – стилистическая отнесённость и экспрессивная окрашенность заимствованных лексем. Большая часть заимствованной лексики стилистически нейтральна, может быть использована как в разговорной речи, так и в художественном и научном тексте и в других видах коммуникативной деятельности.

Стилистическую нейтральность большинства заимствований можно объяснить их предметностью, отсутствием абстрактного, отвлечённого значения, позволяющего создавать стилистически окрашенные варианты. Подавляющая часть этих слов обозначает земледельческие и бытовые реалии, не существовавшие ранее у кочевых тюркских племён. Лексика этого типа часто не образует синонимических и стилистических пар. Хотя в языковой практике это условие не является стопроцентным. Существовавшая до 1944 года относительная диалектная обособленность не позволяла, на наш взгляд, стилистически дифференцировать существовавшие синонимические пары и ряды.

Ещё одной причиной стилистической недифференцированности заимствованной лексики греческого и итало-романского происхождения является формирование, начиная с XIII века, литературного, нормативного языка преимущественно за счёт арабской и персидской лексики. Сохранение грецизмов и итало-романских заимствований преимущественно в южнобережном и горном говорах не приводило к их сопоставлению в документах и поэтических произведениях.

Однако существуют исключения. Одно из них, близкое по характеру к эвфемистической замене, выделяемой в статье Г. Дёрфера как закономерность заимствования иноязычной лексики: «Так как родное слово воспринимается как

грубое, непристойное, из соображений приличия вместо него заимствуется другое слово...» [3, с. 37]. В нашем случае такой тип заимствования хорошо иллюстрируется крылатым выражением: *Сычмагъан, кака эткен – Не сходил по нужде. а покакал* (Информант Мазинова Х). В этой паре тюркское и заимствованное слово противопоставляются не по принципу диалект – литературный или общенациональный язык, но как деревенская (грубая) – городская (утончённая) формы выражения одного и того же понятия. Ещё один пример, подтверждающий идею ретюркизации горных говоров Крыма – высказанное информантом Ш. Муртазаевым мнение о том, что слово *кенеф* ‘туалет, уборная’ – грубое, просторечное, а сочетание *аякъ ёл*, имеющее то же значение, – приличное и приемлемое в употреблении.

Кроме того, к подобному типу лексики можно отнести стилистически окрашенные слова, определяющие различные качества человеческого характера: *абдал* ‘неуклюжий’, *будала* ‘глупец’, *дели* ‘дурак’ и другие. Следует отметить высокую степень трансформации и укоренённость подобного типа лексики в южнобережных и горных говорах, свидетельствующую о древности их заимствования.

Изучение проблемы заимствования иноязычной лексики предполагает рассмотрение сохранения языком, в процессе усвоения им новых понятий, слов и грамматических черт, своеобразия, совокупности черт, особенностей, отличающих его от других языков вообще и родственных языков – в частности.

Как любая система, язык стремится к сохранению структуры и компонентов. При этом структура, как совокупность и порядок существования структурных единиц, первична и более статична, неизменяема, – тогда как компоненты в этом аспекте вторичны и более подвижны, изменчивы и заменяемы. При этом происходит как их частичное изменение (утрата или замена морфем, фонем), так и полная замена или восполнение недостающих единиц любого уровня (фонетического, морфологического, лексического). Так проявляется вторичный процесс – изменение языка при взаимодействии его с другими языками и заимствовании иноязычной лексики. Этот процесс происходит наряду с прямыми, первичными процессами внутреннего развития, саморазвития. В совокупности эти две тенденции и определяют развитие языка в целом.

При большей замкнутости и отдалённости (островной, политической) язык будет преимущественно изменяться за счёт процессов внутреннего развития. Большая открытость, повышенная внешняя коммуникативность ведёт к увеличению количества изменений за счёт заимствований. Следует отметить большую динамичность и продуктивность второго способа развития, особенно усиливающегося с увеличением теле- и радио коммуникации.

Показательно, что все эти лингвистические процессы параллельны процессам этнологическим, представляющим собой совокупность экстралингвистических факторов. Корректно сопоставление развития этноса за счёт внутренних резервов и его взаимодействия с окружающими народами с аналогичными процессами саморазвития и контактного, внешнего пути развития языка. Итогом такого развития является рождение нового языка (группы языков) и, соответственно, первичное, предшествующее ему появление нового этноса (группы этносов). Примером может служить формирование на базе древнегреческих субэтносов греческого народа и, соответственно, на

основе древнегреческого языка – новогреческого, или на базе этносов Апеннинского полуострова – итальянского народа и соответствующая параллель – итальянский язык.

Интересующая нас проблема, определённая как внешний, контактный способ развития языка, требует интерпретации результатов языковой интерференции в условиях контактирования языков и диалектов. Н.З. Гаджиева отмечает: «Гораздо труднее теоретически обосновать, почему та или иная особенность была усвоена языком воспринимающим. В данном случае можно применить лингвистический закон: в процессе интерференции язык или диалект чаще всего воспринимает от другого языка или диалекта те черты, которые отсутствуют в его собственной системе, при условии, если эти черты коммуникативно выгодны или восполняют недостающие лексические и грамматические средства» [6, с. 17].

Наряду с выявлением заимствованной лексики существует необходимость описания тех глубинных процессов интерференции, которые произошли в результате длительного взаимовлияния византийской и тюркской суперкультур. Следует попытаться определить, какие особенности греческого языка и каким образом отразились в южнобережных говорах крымскотатарского языка в региональном аспекте (через турецкий или другие языки), какие экстралингвистические факторы определили это влияние. Конечным, наиболее осязаемым и выраженным фактом будет определение фонетических, морфологических и лексико-семантических влияний на структуру языков региона.

Следует предположить, что наиболее существенным общим фонетическим влиянием на структуру языков региона, определившим, возможно, косвенно некоторые фонетические особенности огузских языков западной группы, было широко распространённое древнегреческое придыхание. При сопоставительном исследовании, исходя из фонетических отличий туркменского и турецкого языков, вероятно, будет возможно объяснить переход $k \rightarrow h$ или возникновение крымскотатарского южнобережного глубокозаднеязычного шумного щелевого глухого согласного $хъ$.

Например: кр.тат. *къой* – *хъой* ‘положи, поставь, оставь’; *къапатмат* – *хъапатмакъ* ‘закрывать’; *бакъ* – *бахъ* ‘смотри’ и другие.

Существующие отличия крымскотатарского и турецкого согласных h , описанные И.А. Меметовым [7, с. 181], возможно, связаны с особенностями взаимодействия тюркских племён с греческим населением.

Появление этой фонетической особенности, существующей во многих тюркских языках, в некоторых тюркских языках черноморского региона, вероятно, в определённой степени, обусловлено экстралингвистическим фактором – долговременным контактом тюркских и тюркоязычных народов с носителями греческих диалектов и сформировавшимся на их основе койне.

Возможно, следует сделать более широкое предположение, выдвинув тезис, что этот процесс является частью более глобального регионального фонетического процесса, и необходимо говорить о косвенном влиянии древнегреческого придыхания на различные языки средиземноморско-черноморского региона.

Как один из древнейших примеров этого типа, вероятно, следует рассматривать существование в латинском языке заднеязычного звука h и

диграфов *ch, th, ph, rh*, передававших специфическое греческое придыхание в заимствованных словах.

Как современное фонетическое явление этого типа, соседствующее с подобным в западно-тюркских языках, возможно, следует трактовать существование заднеязычного *h* в украинском языке и через него – в южнорусском говоре.

Ещё одним вероятным случаем фонетической интерференции в некоторых говорах южнобережного диалекта крымскотатарского языка является активное употребление аффрикативного взрывного согласного *дж*: *келеджек, варараджак, лаф этеджек*. Возможно, следует предположить наличие фонетических процессов, подобных тем, которые привели к возникновению *дж* в итальянском и других западноевропейских языках. Объяснение преимущественного употребления этого сочетания согласных влиянием кыпчакизированных говоров, на наш взгляд, не всегда правомерно в силу оторванности и замкнутости некоторых южнобережных говоров и их активного взаимодействия с генуэзским диалектом итальянского языка. Наиболее вероятно влияние говоров, возникших на половецкой основе, и ногайских говоров в Восточном Крыму, которое полностью исключено при переходе в район селения Варун (Ворон), Къапсихор (Морского) и других поселений, располагавшихся западнее Феодосии и Судака. Подобное влияние возобновляется в Северо-западном Крыму, приблизительно в районе Гезлева (Евпатории). Такое предположение базируется на меньшей употребимости в среднем диалекте этого согласного и употреблении в северном диалекте крымскотатарского языка и в языках, родственных ногайскому языку согласного *дж* в иных позициях:

варараджам (южнобережный) – *бараман* // *вараман* (степной), но *ёхъ* // *ёкъ* (крат.) – *джёкъ* (каз.), наряду с «– Джонк, мен сопумен!» («– Нет, я суфий!»), данным Э. Челеби при описании северных говоров крымскотатарского языка [8, с. 125].

Литература

1. Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. – 5-е изд. – С-Пб.: Изд. автора, 1899. – 1370 с.
2. Белецкий А.А. Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка) // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е.Д. Поливанова: Матер. конф. – Самарканд. – 1964. – Т. 1. – С. 120 – 121.
3. Дерфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // ВЯ. – 1981. – №4. – С. 35 – 44.
4. Керим И.А. Эски эдибиатымызда къулланылгъан базы сёзлер // Йылдыз. – 1997. – №4. – С.153 – 188.
5. Къырымтатар халкъ йырлары. / Сост. И.Бахшиш, Э. Налбандов. – Симферополь: Таврия, 1996. – 447 с.
6. Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики // ВЯ. – 1975. – №1. – С. 13 – 27.
7. Меметов И.А. Сравнительная характеристика некоторых отдельных согласных фонем турецкого и крымскотатарского языков // Культура народов Причерноморья. – 2002. – №30. – С. 179 – 182.
8. Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005